

Уловки

Узкая ладонь профессора с её длинными, будто специально созданными для изящного каллиграфического письма пальцами, казалась почти невесомой. Нова всё ещё не снял старую перчатку из оленьей кожи — её поверхность, покрытая коротким ворсом, огрубела от времени и отсутствия должного ухода, и теперь это прикосновение вызывало в ладони Азуки лёгкий, почти дразнящий зуд.

Азука не удержался и чуть сильнее сжал его руку. Сквозь грубую кожу перчатки наконец начало просачиваться живое человеческое тепло, и, к его изумлению, собеседник не попытался высвободиться. Возможно, профессор решил, что юноша всё ещё пребывает в плену праведного гнева и горя, а потому опасался, что тот совершит какую-нибудь безрассудную глупость?

Бывший Спаситель не спешил развеивать это заблуждение. Он никогда не слыл сторонником милосердия; в его прошлой жизни судьба семьи Саман была темой, на которую накладывалось негласное табу. Окружающие замирали от ужаса при одном упоминании этого имени, и лишь сам Избранный богом мог с неизменной улыбкой рассуждать о тенях своего детства.

«С виду ты само очарование и кротость, но, честное слово, среди нас нет никого страшнее тебя, — однажды заметил Орей. — Ты злопамятен и обожаешь изошрённые издевательства. Люди порой даже не понимают, чем тебя задели, а потом на них внезапно обрушиваются все несчастья мира, и никто даже не догадывается, чьих это рук дело».

Тогда он лишь загадочно улыбнулся в ответ, а на следующий день бедолага Орей таинственным образом прикусил язык, да так сильно, что тот распух, и вдобавок умудрился съесть целую горсть «огненного перца», который ненавидел всей душой.

Что ж, то были грехи бурной молодости. Нынешний Избранный богом стал куда терпеливее. Теперь, сталкиваясь с некоторой... «скверной», он был способен сохранять ледяное спокойствие, не порываясь немедленно разорвать обидчиков на куски.

Тем временем «Скверна номер один» в лице маркиза Самана уже всюю изливал желчь на профессора:

— Полюбуйтесь-ка! Приглашённый профессор теологии терпит кораблекрушение, дрейфует в товарном ящике до самого побережья, где его спасают добрые жители Улицы Рыбьего Хвоста... И вот он, преисполненный благодарности, бросается на защиту своих спасителей от «злых стражников»! Господин Броуди, вы случайно не пьесы для театра сочиняете? Если решите ставить этот фарс на подмостках, непременно позовите меня — ради вашего кузена я так и быть приду посмотреть.

Нова не замедлил с ответом. Его голос зазвучал с той безупречной, ледяной надменностью, что была присуща лишь истинным аристократам:

— Маркиз Саман, вам стоило бы проконсультироваться со своим морским атташе. В последнее время зона низкого давления Ламантас сместилась к северу, вызвав череду мощных ураганов. Множество торговых путей оказались заблокированы, а десятки судов навеки исчезли в пучине. Моё спасение — не более чем милость Бога морей Одрейса, внявшего моим отчаянным молитвам. С помощью летнего муссона и течений западного побережья меня вынесло к берегам Порта Серого Моста. Если вы столь любопытны, я могу даже продемонстрировать вам ссадины, полученные в том самом ящике во время шторма.

Он вызывающе вскинул подбородок, чеканя каждое слово:

— Мне неясно, почему вы находите забавным чудесное спасение дворянина, в чьих жилах течёт та же благородная серебряная кровь, что и в ваших. Хочется верить, что ваша ирония продиктована лишь прискорбным невежеством в вопросах навигации, а не отсутствием сострадания к представителю собственного сословия.

Лицо Самана потемнело от ярости. Однако в присутствии кардинала Миллера он не смел дать волю гневу, а потому лишь выдавил из себя кривую, лишённую тепла усмешку:

— Молодость всегда отличалась излишней прямолинейностью и острым языком.

Он возвысил голос, обращаясь к толпе:

— Так кто же тот доблестный моряк, что спас гостя Святой Церкви? Пусть выйдет вперёд, он заслуживает особой награды!

Жители Улицы Рыбьего Хвоста в замешательстве переглядывались. Глядя на перекошенное злобой лицо маркиза, каждый понимал: «особая награда» вряд ли сулит что-то хорошее. Нова заметил в толпе капитана Скарпо; тот с тревогой смотрел на него, уже готовый сделать шаг вперёд. Почувствовав, что Избранный богом рядом с ним притих, он осторожно выпустил его ладонь и бесстрастно произнёс:

— Милорд, моим спасителем был не моряк, а простой, честный грузчик.

Кардинал Миллер, до того лишь наблюдавший за перепалкой, с интересом приподнял бровь:

— Вот как? И где же сейчас этот человек?

У Самана возникло дурное предчувствие, но он не мог заткнуть рот этому бледному юноше.

— К несчастью, в тот момент я был в беспамятстве от тяжёлой лихорадки, — продолжал Нова.
— Чтобы купить мне лекарства, у него не осталось денег на ваши налоги. За попытку спора со стражниками его нарекли «бунтовщиком», и боюсь, он уже испустил дух в застенках вашей тюрьмы. Его жена Лос, не выдержав отчаяния, сожгла себя вместе с грудным сыном. В самом тупике Улицы Рыбьего Хвоста до сих пор лежат два обугленных тела — большое и совсем крошечное. Вот истинная причина, по которой я здесь стою.

Толпа мгновенно зашумела.

— Бенни?! — выкрикнул кто-то из грузчиков. — То-то я видел, как он несколько дней назад притащил с берега огромный ящик! Я спросил, что внутри, а он только отмахнулся.

— Точно! — подхватил другой. — Он ведь и лекарства покупал, говорил ещё, что жена занемогла.

— Он не знал, кто я такой на самом деле, — голос Броуди стал ниже, обретая пугающую, трагическую глубину. — Он боялся, что я скрываюсь от врагов, и до последнего хранил моё присутствие в тайне. И вот, за доброту и благородство стражники заклемили этого человека преступником, а его семья приняла мучительную смерть на улице. Лорд Миллер, Бог Света учит нас помнить о добре и карать тех, кто платит злом за милость. Как я мог молчать, видя, как моих благодетелей уничтожают жадные и подлые цепные псы власти?

Он сделал паузу, и его взгляд, холодный и острый, впился в лица аристократов:

— Именем Нова Броуди я клянусь: всё, что я сказал, — истина, явленная моим глазам. Стража Порты Серого Моста ввела незаконный налог на загрязнение воздуха, лишая людей последнего гроша, принуждая женщин к бесчестию, а мужчин — к рабскому труду в шахтах. Любое несогласие карается смертью. Именно это толкнуло несчастную мать на самосожжение. Гнев Улицы Рыбьего Хвоста — это крик растоптанной справедливости!

Ужасающая правда этой трагедии заставила содрогнуться каждого. Даже те жители, что наблюдали издалека, начали выкрикивать проклятия в адрес стражников.

— Ироды!

— Позор на ваши головы!

Нит Саман взвизгнул, теряя самообладание:

— Ты лжёшь! Всё это ложь!

Вне себя от ярости, он схватил за ворот ближайшего стражника:

— Говори! Когда вы хватали этих выродков, вы видели среди них его?!

Подчинённые в ужасе замотали головами:

— Г-господин начальник... темно же было! Мы и лиц-то толком не разобрали...

Они просто хватали самых крепких на вид мужчин, чтобы поскорее закрыть план. Им было плевать, кто из них Бенни.

— Идиоты! — Нит с силой оттолкнул стражника. Он тяжело дышал, и когда его взгляд встретился с ледяным взглядом главы дома Саман, лицо его вмиг стало мертвенно-бледным.

Профессор, сохраняя полное спокойствие, невозмутимо добавил:

— Если Бенни ещё жив, он сам сможет поведать о тех беззакониях, что с ним творили. И я искренне надеюсь, что он жив.

В этот момент Нит Саман тоже истово молился о том, чтобы этот человек был жив. Но надежды не было — все захваченные «смутьяны» уже давно затихли в камерах, не выдержав «допросов».

— Свет Бога Зефира озаряет каждого подданного Империи Серебряного Ириса, — кардинал Миллер с силой опустил скипетр на камни мостовой. Его лицо стало суровым. — Наш Бог провозгласил: каждый имеет право славить свет за дарованные ему блага. Его Святейшество Папа неустанно заботится о том, чтобы к людям относились с милосердием. Лорд Саман, полагаю, облагать налогом сам воздух — затея, лишённая мудрости. А довести праведного человека до гибели — и вовсе деяние, вопиющее к небесам.

Лицо маркиза Самана стало землистым. В этот самый момент группа стражников, обливаясь потом, выкатила на площадь магическую световую пушку. Увидев застывшую в напряжении толпу и кардинала, они в растерянности остановились, не зная, что делать дальше.

— Господин начальник, мы...

Чувствуя, как земля уходит из-под ног, Нит Саман, не дожидаясь вопросов, подскочил к ним и с размаху пнул одного из стражников:

— Дерзкие псы! Как вы посмели самовольно выкатить пушку?!

Тот, ничего не понимая, скорчился на земле:

— Но вы же сами приказали... Сказали, нужно жажнуть по пиратам...

Заметив, что даже рядовые священники смотрят на него как на ходячий труп, Нит в отчаянии заскулил:

— Господа, я лишь исполнял правила! Налог на загрязнение воздуха был одобрен Королевским...

— Довольно! — Баттерфилд Саман не выдержал. Он был воином ранга «Адепт», и его удар отправил Нита в полёт. Голова бедолаги с глухим стуком врезалась в каменные ступени, и тот мгновенно потерял сознание.

— Моя вина, что я доверился этому жестокому и коварному ничтожеству! — маркиз официально склонился перед кардиналом. — Уверю вас, Ваша Светлость, этот нелепый налог будет немедленно отменён. А Нит Саман предстанет перед судом по всей строгости закона.

Толпа взорвалась ликующими криками. «Слава Богу Света!» и «Да здравствует маркиз Саман!» неслись со всех сторон.

— Какое... захватывающее зрелище, — раздался над ухом Нова тихий, пронизанный иронией голос.

Профессор, уже накинувший капюшон, даже не повернул головы.

— Вечный сюжет о добром царе и злых боярах, — процедил он сквозь зубы. — Люди любят такие сказки, не так ли?

Азука не совсем понял метафору, но общий смысл уловил безошибочно.

— Мне вот что любопытно, — прошептал он. — Как вы догадались, что Бенни нашёл на берегу именно большой товарный ящик?

Броуди бросил на него быстрый взгляд:

— Вы решили спросить об этом именно сейчас?

Кардинал и маркиз всё ещё стояли неподалёку. Судя по лицу Самана, которое то бледнело, то шло пятнами, беседа со Светом Беспыльным давалась ему нелегко, хотя он и продолжал заискивающе улыбаться.

— Они нас не слышат, профессор, — мягко заверил юноша. — Даю слово.

— ...Что ж, всё дело в пушистой траве, — бесстрастно ответил тот.

— Хм? — Азука издал вопросительный звук.

Профессор заговорил быстро, и его слова сливались в чёткий, логичный поток:

— Возле лачуги Бенни я заметил клочья сухой пушистой травы. Эта дешёвая, но мягкая подстилка растёт только на нагорье Баталия. В Порту Серого Моста для упаковки товаров обычно используют морские водоросли. Пушистую траву используют лишь корабли, идущие издалека и везущие хрупкие, ценные грузы — из-за неё ящики всегда выглядят намного больше, чем само содержимое. Трава была пропитана морской солью, но ещё не успела полностью расправиться, значит, её вытащили из воды совсем недавно. Бенни — портовый грузчик, он прекрасно знает цену такой набивке и понял, что нашёл ценный бесхозный груз с затонувшего судна. У его жены внезапно разыгралась болезнь глаз — я видел остатки лекарственных трав и заделанные щели в окнах, через которые пробивался свет. Ей был нужен покой и дорогое лечение. Поэтому он и спрятал ящик, надеясь выручить за него деньги.

— А как вы узнали, что Бенни уже мёртв?

— Во-первых, я заметил на штанине одного из стражников плохо отстиранные брызги крови. Такой характер пятен обычно бывает при разрыве артерии — простыми пинками такого не добьёшься. А во-вторых... я блефовал.

Избранный богом увидел, как по губам профессора скользнула мимолётная усмешка:

— Если бы Бенни оказался жив, разве у нас не осталось бы вашего «маленького фокуса», всемогущий господин волшебник?

<http://bllate.org/book/15312/1354378>